

— В эти дни ты всё равно не сможешь вернуться, она хочет, чтобы ты дал имя ребёнку. — Сяо Цичэнь неловко переплел пальцы. — Думаю, лучше подготовить имена для мальчика и для девочки, так надёжнее.

Су Янь ответил, что ещё не свикся с мыслью. Сяо Цичэнь внимательно следил за его лицом, понимая, что новость потрясла его, и замолчал, ожидая ответа. Он устремил взгляд вперёд, слегка запрокинув голову, и принялся бесстрастно считать редкие звёзды на тёмно-синем небосводе.

Когда Сяо Цичэнь досчитал до двадцатой звезды, Су Янь наконец произнёс низким голосом:

— В детстве отец читал мне стихи о том, как Сын Неба устрашает цзинских варваров, демонстрируя военную мощь... Там были строки: «Ярки красные знамёна, звенят зелёные подвески». Пусть будет Су Хэн, будь то мальчик или девочка. Нефритовое украшение для пояса. Как тебе?

Сяо Цичэнь лишь улыбнулся:

— Хорошо.

В тот день они пробыли вместе недолго: Шэнь Чэнцзюнь, не найдя Су Яня нигде, в конце концов добрался до окраины Гуанью и буквально сдёрнул его с полуразрушенной глинобитной стены. Сяо Цичэнь посидел ещё немного, затем тоже вернулся в лагерь.

Он собирался остановиться в городской гостинице, но Су Янь воспротивился, заявив, что в городе наверняка рыщут тюркские лазутчики, и если те узнают о Сяо Цичэне, ему будет грозить опасность. Не слушая возражений, он соорудил в главной палатке простой лежак, чтобы Сяо Цичэнь был у него на виду. Шэнь Чэнцзюнь не высказал никакого мнения, но смутно чувствовал, что здесь что-то не так, хотя и не мог понять что именно.

Изначально Сяо Цичэнь и правда планировал лишь осмотреться, а затем двинуться на юг: через Цзиньян в Чаньянь, переправиться через Вэй и пересечь Циньлин, насладиться богатствами Башу и, выйдя через ущелье Санься, оказаться в Цзинчу — как раз к цветению лотосов на озере Юньмэн. Он надеялся, что зрелище будет прекрасным. Так, не спеша, совершив круг, он вернулся бы в Цзиньлин, успев избежать июльского зноя.

Но едва он закончил осматривать заставу Яньмэнь и собрался в путь, как тюрки внезапно напали.

— Эти мерзавцы ещё смеют возвращаться! — сквозь зубы процедил Су Янь, вскочил на коня с длинным луком в руках и, не успев сказать Сяо Цичэню ни слова, умчался на Цзинфане, взметая пыль.

Впервые услышав от него подобную грубость, Сяо Цичэнь застыл на месте, не зная, как реагировать. Тяньхуэй, стоя рядом, едва сдерживал смех. Он увёл Сяо Цичэня обратно в палатку, но тот отказался оставаться и настоял на том, чтобы подняться на городскую стену.

Хотя Су Янь много рассказывал о войне, а Сяо Цичэнь не раз видел учения в большом лагере Сада Нань, реальное поле боя оказалось несравнимо суровее и масштабнее. В страхе стоял он на стене, пока Тяньхуэй прикрывал его от случайных стрел, и наблюдал, как кавалерия двух армий сходилась в смертельной схватке, мгновенно смешиваясь в кровавой мешанине.

Конь Су Яня был слишком заметен, а его красный плащ и серебряные доспехи на фоне жёлтого

песка превращали его в движущуюся мишень.

Но он не проявлял ни тени страха, умело маневрируя среди врагов. За ним гвардия доблестной кавалерии выстроилась в чёткий боевой порядок, особенно заметный с высоты. Они подобно острому клинку рассекали тюркские ряды. По бокам от Су Яня лучники и копейщики действовали с отлаженной слаженностью, явно отработанной за долгие тренировки.

Столкновение длилось недолго, но Сяо Цичэнь, окаменев от ужаса, простоял всё это время в углу стены, словно изваяние.

Су Янь был не новичком в командовании, смерть его не пугала, и даже среди тысяч воинов он сохранял хладнокровие, раз за разом организуя чёткие атаки. Вместе с Янь Наньду и Шэнь Чэнцзюнем они разделили силы на три части и разорвали вражеский строй.

Сяо Цичэнь тихо спросил Тяньхуэя:

— Неужели я раньше недооценивал его?

Тяньхуэй не понял, к чему он клонит, и лишь молча улыбнулся. Сяо Цичэнь задумчиво произнёс:

— Он рождён для войны. А я ещё думал, что когда-нибудь... Смогу удержать его.

Когда страна успокоится, Су Янь сможет навсегда остаться в Цзиньлине, рядом с ним.

Так он думал прежде, но теперь, увидев Су Яня в такого никогда не виденного, истинно его стихии, с горечью признал: Су Янь принадлежит границе и полю боя, ему не суждено остаться среди десяти ли огней и цветов на берегах реки Циньхуай.

Но отпускать его он всё равно не хотел.

После битвы доспехи Су Яня наполовину обагрились кровью, а от одежды тянуло тяжёлым запахом. Он переоделся, кое-как обтёрся и лишь тогда пришёл к Сяо Цичэню.

На этот раз выражение его лица было серьёзным:

— А Чэнь, тебе лучше уехать. И чем скорее, тем лучше.

— Войском командует приближённый Хуянь Ту, — безразличным тоном добавил Янь Наньду. — Скоро лето, за стеной трава гущеет, кони набирают силу — вскоре начнётся полномасштабное вторжение. В прошлом году их вынудили заключить мир, но вассалитета они не признали. Их намерения очевидны. Ваше высочество, вам не стоит долго оставаться здесь.

У Сяо Цичэня возникало ощущение, что Янь Наньду обладал особым даром: каждое его слово вызывало желание дать ему в зубы. Увы, всё, что он говорил, было правдой, и Сяо Цичэнь вынужден был сдаться:

— Уеду завтра на рассвете.

В последнюю ночь они с Су Янем наконец дождались звёздного неба — безлунного и бескрайнего.

За стеной не пахло дымом домашних очагов. На этот раз Су Янь повёл Сяо Цичэня на самую заставу Яньмэнь. Часовые будто не замечали их, сохраняя неподвижную выправку. Су Янь и он

встали в углу. Млечный Путь струился вдали, сияя на тысячу ли.

Но никто из них не говорил. Оказавшись здесь, особенно остро чувствуешь, как безгранична вселенная и как ничтожен человек. За Северным Мраком, возможно, лежат неизведанные земли, у восточного моря высятся горные хребты — всё это переменчиво и непостижимо.

Сяо Цичэнь внезапно подумал: «Если когда-нибудь выпадет шанс, нужно уйти ещё дальше».

На следующее утро, перед отъездом с Тяньхуэем, Су Янь проводил их на десять ли за стены Гуанью. Казалось, ему было неловко расставаться, но он не показывал вида, лишь повторил:

— Су Хэн.

— Помню, — сказал Сяо Цичэнь, помолчав. — Если будет время, навещай.

Су Янь промолчал, не кивнув и не отказав. Сяо Цичэнь скрылся в повозке, Тянью свистнул, и экипаж, подпрыгивая на ухабах, тронулся в путь. Чуть дальше за заставой Яньмэнь уже виднелась зелень трав и деревьев.

Су Янь смотрел вслед, пока на дороге не остались лишь следы копыт. Эта краткая встреча оставила в его сердце странную пустоту, словно Сяо Цичэнь унёс с собой часть его души. Ему было невыразимо тяжело, но он твёрдо знал: причина не в имени, которое тот дал его ребёнку.

Су Янь вскочил в седло. Цзинфань сделал несколько шагов, как вдруг на веко упала ледяная капля.

Он раскрыл ладонь — на неё легла снежинка, мгновенно растаявшая, оставив лишь влажный след. Су Янь поднял голову: жёлтые тучи сомкнулись, солнечный свет тайком покинул небосвод. Снег шёл беззвучно.

Снег в мае.

«Жаль, — с сожалением подумал Су Янь. — Сяо Цичэнь, наверное, уехал слишком рано».

Сяо Цичэнь не слышал его мыслей. Увидев то сражение, он раз и навсегда потерял охоту к путешествиям. Когда Тяньхуэй спросил, не хочет ли он следовать первоначальному плану и переправиться через Вэй, Сяо Цичэнь лишь покачал головой и без сил произнёс:

— Возвращаемся в Цзиньлин.

Уезжал он в начале лета, когда цветы в Цзиньлине лишь начинали распускаться, а вернулся в пору их пышного цветения. На реке Циньхуай по-прежнему не умолкали песни, будто ничего и не происходило.

«Эти люди, размягчённые роскошью до мозга костей, понимают ли они, что на севере тысячи воинов проливают кровь?» — едва не возмутился Сяо Цичэнь при этой мысли.

Он вернулся во дворец, предстал перед императором, церемонно поклонился императрице и навестил своего младшего брата по положению. Крошка Сяо Цимин был ещё совсем сморщенным, и о красоте судить было рано. Сяо Цичэнь не рискнул его дразнить, опасаясь, что любая оплошность будет поставлена ему в вину, и, задав несколько формальных вопросов, поспешно удалился.

Покидая дворец Минфу, он поравнялся с одним человеком, обернулся и неуверенно окликнул:

— ...Старший брат?

Тот обернулся и, увидев Сяо Цичэня, тоже удивился, затем с усилием выдавил улыбку:

— Цичэнь? Ты вернулся в Цзиньлин? Я тоже недавно. Отец велел нам чаще общаться с Цимином.

Они не виделись долгое время. В памяти Сяо Цичэня Сяо Циюй всегда смотрел на всех свысока, с горделивым видом законного наследника. Теперь же он казался каким-то... усталым, осунувшимся, сильно похудевшим. Когда же князь Чжао в расцвете сил стал столь жалок?

Сяо Цичэнь вежливо поздоровался:

— Старший брат, как поживаешь?

Сяо Циюй лишь хмыкнул:

— Поживаю? Меня сослали в удел для размышлений, на праздники вернулся — а отец и взглянуть не пожелал, все дела передал другим. И ты спрашиваешь, как я поживаю?

Сяо Цичэнь полностью проигнорировал колкости в его словах и невозмутимо ответил:

— Ты преувеличиваешь, старший брат.

<http://bllate.org/book/15940/1425190>